

© 2016 г.

Е.М. МЯГКОВА

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ ТРУЖЕНИК И ОПАСНЫЙ ВАРВАР: ОБРАЗ НАРОДА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ КОНЦА XVIII века

В истории европейской общественной мысли важнейшим этапом в концептуализации понятия “народ” (как по своему содержанию, так и по последствиям для политической истории многих стран) была эпоха Просвещения. “Нация”, “народ” являлись главными концептами политического дискурса конца XVIII в.: по мнению депутатов собраний (Генеральных Штатов, Законодательного собрания, Конвента), народ есть одновременно основной источник, цель и первое действующее лицо социально-политических реформ. Воля народа освящала деятельность властей, подтверждала их легитимность. Образ народа выступал в роли символа нового мира, именем которого создавались законы во благо всего человечества. Однако серия крестьянских выступлений против преобразовательной деятельности революционных ассамблей поставила политическую элиту в ситуацию жестокого интеллектуального диссонанса. Удивительная легкость, с которой были сняты психологические, этические, концептуальные барьеры перед самыми суровыми мерами против “бунтовщиков” (война в Вандее нередко сегодня представляется как “франко-французский геноцид”¹), объяснялась, на мой взгляд, возрождением древнего, хорошо укорененного стереотипа о природной двойственности народа.

Парадоксальная, на первый взгляд, но закономерная по своей внутренней логике история “превращения” добродетельного труженика в опасного варвара не может быть объяснена в русле традиционной политической истории (исследование правовых, институциональных и социальных основ власти, ее имущественных интересов). Краеугольным камнем этой историографии было представление о государстве как важнейшем факторе исторических перемен, а типическое объяснение заключалось в сведении всех процессов к решениям и поступкам государственных деятелей, действовавших исходя из индивидуальных убеждений².

В новой политической истории объектом изучения становится не этатизм, а власть во всех ее проявлениях, не великие политические события, а будни власти. На смену традиционному анализу *содержания* политики приходит изучение “*социокультурного способа властвования*” (Ю.Л. Бессмертный), иначе говоря, механизмов функционирования власти (приемы, эффективность организации, имидж)³. Для обозначения того

Мягова Елена Михайловна – кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела обеспечения сохранности документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

¹ Secher R. Le génocide franco-français: La Vendée-Vengé. Paris, 1986.

² Февр Л. Бои за историю. М., 1991, с. 64.

³ См. Кром М.М. Новая политическая история: темы, подходы, проблемы. – Новая политическая история. Сборник научных работ. СПб., 2004, с. 7–17.

контекста, в котором существует власть и в котором она обретает свой неповторимый колорит, нередко используется термин “политическая культура”, имеющий сразу несколько интерпретаций. Концепции настоящего проекта оптимально соответствует определение К. Бейкера, понимающего под “политической культурой” “набор дискурсов или символических практик”, при помощи которых индивиды и группы формулируют, обсуждают, осуществляют и навязывают другим собственные притязания⁴. В более узком значении настоящее исследование находится в русле истории понятий, строящейся на синтезе истории, философии и лингвистики⁵.

Значительная роль народных низов во Французской революции широко признаётся в научной литературе. Вместе с тем исследовательская практика на протяжении двух столетий так и не смогла разрешить чисто терминологическую проблему в отношении народа. Определению этого важнейшего концепта политической культуры Франции долгое время мешали два глубоко утвердившихся стереотипа.

Один из них связан с традицией консервативной историографии. Э. Бёрк, для которого “низшие сословия” были “свинским сбродом”, смотрел на революционные толпы 1789 г. только как на состоящие из самых нежелательных элементов, называемых им “бандой свирепых головорезов и убийц, воняющих... кровью”⁶. Под пером И. Тэна они выглядели гнусными подонками: “отбросами общества”, “бандитами”, “дикарями” и “оборванцами”; “уличными бродягами”, “кровожадными авантюристами”, “забияками” и “развратниками”⁷. Вторая традиция развивалась в русле демократической историографии. Именно в народе Ж. Мишле увидел подлинную живую силу революции, ее главного героя. Но им воспеваются не реальные массы конца XVIII в., состоящие из различных групп и слоев, а некая почти мистическая общность, антипод просвещенной буржуазии⁸. В противовес этой анархической черни Л. Блан более предметно писал о вооруженных и бунтующих крестьянах, борцах против феодальной тирании⁹.

Из приведенных примеров нетрудно заметить, что термин “народ” имел не столько аналитическое, сколько метафорическое значение, не нуждавшееся в точном научном определении. Успехи социальных наук в XX в. отнюдь не вели к исправлению сложившейся ситуации. В марксистской историографии, предпочитавшей пользоваться категорией социальной группы, класса, эта проблема уходила на второй план, а слову “народ” зачастую придавалось его старое, почти поэтическое звучание¹⁰. Не было предложено адекватного решения и рамках школы “Анналов”¹¹. Несмотря на увлечение проблематикой истории ментальностей, вводившей в научный оборот понятие “народной культуры”, именно неопределенность “народного” стала одной из главных причин упадка этого направления¹². Пришедшая ему на смену новая политическая ис-

⁴ *Baker K.M.* *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in the Eighteenth Century.* Cambridge, 1990, p. 4.

⁵ *Koselleck R.* *Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit.* – *Archiv für Begriffsgeschichte.* № 2, 1967, S. 82, 87–88.

⁶ *Burke E.* *Reflections on the Revolution in France.* London, 1951, p. 66–69.

⁷ *Taine H.* *Les origines de la France contemporaine*, t. 1. Paris, 1878, p. 18, 53–54, 130, 272.

⁸ *Michelet J.* *Histoire de la Révolution française.* Paris, 1847–1853, t. 1, p. 198; t. 2, p. 46.

⁹ *Blanc L.* *Histoire de la Révolution française.* Paris, 1864–1870, t. 2, p. 453–458; t. 4, p. 48–55.

¹⁰ См.: *Lefebvre G.* *Foules révolutionnaires.* – *Études sur la Révolution française.* Paris, 1954, p. 271–287; *idem.* *La Grande Peur.* Paris, 1932; *Soboul A.* *Les sans-culottes parisiens en l’An II.* Paris, 1958; *Rudé G.* *The Crowd in the French Revolution.* Oxford, 1967; *Vovelle M.* *La mentalité révolutionnaire.* Paris, 1985.

¹¹ См.: *Furet F.* *Pour une définition des classes inférieures.* – *Annales: Economies. Sociétés. Civilisations*, 1963, № 3, p. 459–474; *Hunt L.* *Politics, Culture and Class in the French Revolution.* Berkeley, 1984. См. также: *Шартье P.* *Культурные истоки Французской революции.* М., 2001.

¹² *Goff J.* *Les mentalités: une histoire ambiguë.* – *Faire de l’histoire.* Paris, 1974, v. 3, p. 76–93; *Ariès Ph.* *L’histoire des mentalités.* – *La nouvelle histoire.* Bruxelles, 1998, p. 167–190; *Burguière A.* *L’anthropologie historique.* – *Ibid.*, p. 137–165.

тория (во многом под влиянием “лингвистического поворота”¹³) предпочитала в своих исследованиях семантически сходный с “народом”, но более конкретный термин “нация”¹⁴, либо делала акцент на исследованиях *образа* народа¹⁵.

* * *

XVIII век во Франции был временем развития лексикологии. Под влиянием серьезных споров как внутри Французской академии, так и за ее пределами большинство ученых и общественных деятелей в середине столетия были убеждены, что появление новых терминов и выражений напрямую связано с прогрессом “наук и искусств”¹⁶. Во вводной статье к “Энциклопедии, или Толковому словарю наук, искусств и ремесел” (1751) Ж. д’Аламбер уточнял, что с общим развитием человечества обогащение языка происходит преимущественно за счет абстрактных понятий¹⁷. Однако Ш.-Л. Монтескьё, Вольтер и другие авторы¹⁸ справедливо отмечали проблему терминологической неразработанности многих наук вообще и “неопределенности” целого ряда понятий в частности (свобода, философия, гуманность, деспотизм, родина)¹⁹.

Такого рода “неопределенность” вызывалась, как правило, смешением историко-семантического значения слова с его этимологическим происхождением²⁰. В предисловии к пятому изданию Академического словаря французского языка (1798) составители сетуют, что самые непримиримые разногласия “вызываются от одного слова, по-разному понятого”; “истинные отношения между словами и идеями”, – пишут они далее, возможны лишь в том случае, если каждое слово будет иметь “свою значимость, свой особый отпечаток, свою ценность”²¹. Если в 1690 г. задача хорошего лексикона

¹³ Одним из важнейших последствий “лингвистического поворота” стал кризис общих понятий в социальных науках. См.: *Концов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005; *Ханаева Д.Р.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005.

¹⁴ *Godechot J.* The Concept of the Nation and its Diffusion in Europe. – *Nationalism in the Age of the French Revolution*. London, 1988, p. 13–26; *Bell A.* Lingua Populi, Lingua Dei: Language, Religion and the Origins of French Revolutionary Nationalism. – *American Historical Review*, 1995, № 5, p. 1403–1437; *idem.* The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism (1680–1800). Cambridge, 2001; *idem.* Le caractère nationale et l’imagerie républicain au XVIII-e siècle. – *Annales. Histoire. Sciences Sociales*. 2002, an. 57, № 4, p. 867–888.

¹⁵ *Images du peuple au dix-huitième siècle*. Paris, 1973; *Ozouf M.* L’homme régénéré. Essai sur la Révolution française. Paris, 1989; *Révolution française, peuple et littérature. Images du peuple révolutionnaire, théâtralité sans frontières*. Congrès de Nantes–Angers, 1989. Paris, 1991; *Baecque A. de.* Le corps de l’histoire: métaphores et politique (1770–1800). Paris, 1993; *Muller Ch.* Du “peuple égaré” au “peuple enfant”. Le discours politique révolutionnaire à l’épreuve de la révolte populaire en 1793. – *Revue d’Histoire Moderne et Contemporaine*. 2000, № 1, p. 93–112.

¹⁶ *Frain du Tremblay.* Traité des langues : où l’on donne des principes et des règles pour juger du mérite et de l’excellence de chaque langue et en particulier de la langue française. Paris, 1703, p. 40–41.

¹⁷ *D’Alembert [Jean Le Rond].* Discours préliminaire des éditeurs. – *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1751, v. 1, p. VI.

¹⁸ Отметим в частности: Этьенн Бонно де Кондильяк (1714–1780), аббат, философ, писатель, экономист; Антуан-Леонард Тома (1732–1785), поэт и литературный критик; Симон-Никола Ленге (1736–1794), адвокат, публицист, писатель, основатель периодического издания “Политические, гражданские и литературные анналы XVIII века” (1777–1792).

¹⁹ О термине “свобода” см.: *Montesquieu Ch.-L. de Secondat.* De l’Esprit des lois. Londres, 1757, v. 1, p. 306–308; *Voltaire [Caritat J.-A.-N. de].* Dictionnaire philosophique. – *Œuvres complètes de Voltaire*, v. 41. Paris, 1784, p. 409–413.

²⁰ В подобных случаях, пишет Ф. Энгельс, “словам приписывается не то значение, какое получили они путем долгого исторического употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной” (*Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е, т. 21, с. 293).

²¹ Préface. – *Dictionnaire de l’Académie française*. Cinquième édition. Paris, 1798, v. 1, p. III–V.

виделась современникам в выработке правильных “определений вещей, обозначаемых через слова”²², то в 1798 г. “законы речи”, устанавливаемые словарем для всей нации, уже считались более важными, чем “законы социальной организации”²³. Не случайно потому в “Общественном договоре” (1762) Ж.-Ж. Руссо настаивал на необходимости в республиканском государстве иметь “особый административный язык для дел управления”²⁴.

Учитывая тот факт, что в XVIII столетии во Франции происходило становление социально-политической терминологии, одной из важнейших задач исследователя является анализ перехода от этимологических значений понятий к новым, “актуальным”, и процесса возникновения этих последних. «В период этого становления и формирования, – пишет советский филолог Р.А. Будагов, – пока за терминами не закрепилось их новое значение, пока сравнительно легко было “поворачивать” их в разные стороны, различные социальные группы пользовались этим в своих интересах»²⁵. В результате борьба, происходившая между различными значениями одного и того же термина, зачастую отражала современный ей политический контекст. Анализ эволюции и применения дефиниции “народ”, предлагаемый в настоящей статье, является ярким доказательством заявленного тезиса.

В средние века “народ” словно “вынесен за скобку”, о нем “нет нужды и привычки думать и упоминать” (А.Я. Гуревич)²⁶. Связано это как с оценкой сущности, так и восприятием производительного (прежде всего земледельческого) труда. С одной стороны, его мирный характер исключал интерес летописцев, обращавших внимание, “главным образом на войны, на жестокости, на угнетение” (П.А. Кропоткин)²⁷. С другой стороны, физический труд рисовался недостойным занятием недостойных людей (несвободных) и противопоставлялся в сословной иерархии благородной дворянской службе и высокой духовной миссии священнослужителей. Следующая эпоха – Реформации – использовала в отношении народных масс иной оценочный критерий: чистоте и бескорыстию религиозных взглядов элиты противопоставлялись “язычество”, “греховность” (часто неосознанная) и прагматизм простолюдинов (особенно в вопросе паломничества или почитания мощей святых). Время становления абсолютизма и формирования концепции регулярного государства, напротив, выводит эту проблему на “инструментальный” уровень: “народ” начинает отождествляться с одним из механизмов функционирования общественного организма, представляя в буквальном смысле ресурс для регулярной армии (рекруты) и бюджета (налогообложение). Развитие идей социального равенства для нового этапа – Просвещения – ставит проблему соотношения идеала и действительности. Если люди рождаются равными в правах, а различия между ними создаются лишь образованием и воспитанием, то речь должна идти не об изначальной порочности простолюдина, но об “испорченности” его нравов. Отсюда неизбежное деление народа на “идеальный” (каким он должен быть по теории) и “реальный” (каким он является на деле), где первое понятие аккумулирует весь положительный потенциал философского рационализма (концепция доброго дикаря, рассудительного труженика, простого, но морально чистого человека), а второе сохраняет почти неизменными стереотипы прошлых веков (невежество, суеверие, жестокость и т.п.). Отметим особо, что фиксируя очевидную противоположность “массы” и “элиты”, концепт выполнял отнюдь не исследовательские задачи. Речь, как правило, шла не об осмыслении феномена, с

²² *Furetière A.* Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes, les termes des sciences et des arts. La Haye, 1701, v. 1, p. 2.

²³ Dictionnaire de l'Académie françoise. Cinquième édition. Paris, 1798, v. 1, p. VI.

²⁴ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М., 1969, с. 378.

²⁵ *Будагов Р.А.* Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М., 2002, с. 29. См. также: *его же.* История слов в истории общества. 2-е изд. М., 2000.

²⁶ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма, т. 1. М., 1985, с. 521.

²⁷ *Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2007, с. 151.

которым власть имела дело, но об установлении над ним системы идеологического и административного контроля²⁸.

Появление новых значений не отменяло бытования предыдущих, а как бы дополнялось к уже существующим. К концу XVIII в. источники фиксируют целую палитру образов и смыслов, применяемых к народу. Основное определение понятия во всех изданиях Академического словаря французского языка за указанное столетие (1718, 1740, 1762, 1798) оставалось неизменным: “Множество людей одной страны, пребывающих под одним законом”²⁹. Такая формулировка тесно смыкалась с дефиницией “нации”: “Все жители одного государства, одной страны, пребывающие под одним законом и говорящие на одном языке”³⁰. В результате термины “народ” и “нация” в политическом дискурсе Франции выступали фактически синонимами. О. де Мирабо предложил называть депутатов Генеральных штатов “представителями французского народа”³¹. Один из многочисленных “патриотических катехизисов”, изданных в 1789 г., делает слабую попытку разделить эти понятия. Нация в нем определяется как “Король и народ”, а народ – как “Нация за исключением Короля”³². Очевидно, однако, что при республиканской форме правления различие, предложенное автором катехизиса (адвокатом парламента), теряет свой смысл. В Конституции 1793 года “суверенный народ есть общность французских граждан”³³. Парадоксальное на современный взгляд сближение (и даже смешение) концептов остается тем не менее правилом для эпохи Просвещения. В начале XIX в. современники упрекали философов-просветителей за то, что они не всегда достаточно “проникали в сущность определяемых понятий”³⁴.

Если основное определение понятия оставалось без изменений, то пояснительные комментарии к нему позволяют вскрыть важнейшие смысловые сдвиги, происшедшие под влиянием общественно-политических событий. Так, независимо от разделяемых лексикологических теорий (предпочтение в определении терминов через этимологию, либо его историко-семантическое значение) авторы словарей и энциклопедий одинаково фиксируют трудность в дефиниции “народа” и наличие в ней прямо противоположных смыслов.

Указывая на положительное значение термина (например, в знаменитом выражении “глас народа – глас Божий”), Академические словари XVIII в. признают, что слово “народ” чаще употребляется для обозначения “наименее достойной части населения страны” (т.е. “низких” и “жалких” людей)³⁵. В “Энциклопедии” Д. Дидро и Ж. д’Аламбера понятие “народ” ставится в зависимость от идей времени: о нем существуют “различные представления в разных местах, в разное время и в зависимости от характера правительств”. Отмечая доминирование негативных характеристик на протяжении прошлых эпох, авторы “Энциклопедии” делают важное уточнение о каких именно людях должна идти речь: при определении понятия “народ” следует говорить

²⁸ См. *Штырков С.А.* Предисловие. После “народной религиозности”. – Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006, с. 7–8.

²⁹ *Peuple*. – Dictionnaire de l’Académie françoise. Deuxième édition. Paris, 1718, v. 2, p. 264; Dictionnaire de l’Académie françoise. Cinquième édition. Paris, 1798, v. 2, p. 277.

³⁰ *Nation*. – Dictionnaire de l’Académie françoise. Deuxième édition. Paris, 1718, v. 2, p. 121; Dictionnaire de l’Académie françoise. Cinquième édition. Paris, 1798, v. 2, p. 148.

³¹ Discours de Mirabeau à la séance des États Généraux du 5 juin 1789. – Archives parlementaires. Série 1 (1787–1799), t. 8. Paris, 1875, p. 71.

³² *Cathéchisme patriotique à l’usage de tous les citoyens françois, dédié aux Etats Généraux*. Paris, 1789, p. 6.

³³ Acte constitutionnel du 24 juin 1793 (an I-er) et Déclaration des droits de l’homme et du citoyen. – Recueil général annoté des lois, décrets, ordonnances etc. depuis le mois de juin 1789 jusqu’au mois d’août 1830, t. 4. Paris, 1835, p. 264.

³⁴ *Portalis J.* De l’usage et de l’abus de l’esprit philosophique durant le XVIII siècle. Paris, 1827, v. 1, p. 54.

³⁵ *Peuple*. – Dictionnaire de l’Académie françoise. Cinquième édition. Paris, 1798, v. 2, p. 277.

исключительно о “земледельцах и рабочих”. Эти последние характеризуются при этом “наиболее преданными подданными” и “лучшими друзьями” короля³⁶.

При сохранении двойственности в дефиниции термина (повторяющую латинскую дихотомию *populus/plebs* и французскую *peuple/populace*³⁷), отметим показательное смещение акцентов с отрицательных на положительные смыслы. М. Робеспьер неоднократно высказывал убеждение, что презрение к народу является исключительно наследием прошлых эпох. С его точки зрения, суждения его политических противников о народе строились на основе “нелепых идей деспотизма и феодальной спеси”. «Привыкнув к странному изобретенному жаргону, – обращался он к ним, – вы сочли естественным унижить бóльшую часть человеческого рода словами “каналы”, “чернь”». Возражая против такого подхода, Робеспьер указывал, что “именно в народе мы находим, под наружностью, которую мы называем грубой, искренние и прямые души, здравый рассудок и энергию”³⁸. Народ – “добр, справедлив, великодушен”, ему “чужды изнеженность и честолюбие, эти два наиболее обильных источника наших бед и пороков”. Наряду со свободой и равенством, народ – одно из божеств нового мира, которому граждане должны воздать “дань своего поклонения”³⁹.

Трудность определения природы народа, с одной стороны, вела к использованию описательных, почти литературных метафор; с другой – к дроблению целостного образа определяемого объекта на составные части, равно противоречивые по содержанию. В зависимости от того, какой вид жизнедеятельности ставился во главу угла, выделялись четыре основных элемента анализа: “от экономики”, “от общества”, “от культуры”, “от политики”.

Изучение экономической роли народа напрямую было связано с идеями своего времени. В доктрине меркантилизма, отдававшей предпочтение торговле, народ выступал по преимуществу в роли основного налогоплательщика. В одном из разделов своего “Политического завещания” кардинал Ришелье сравнивал народ с мулом, который, “привыкнув к своей ноше, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы, однако трудиться он должен в меру, а груз, возлагаемый на это животное, должен быть сопоставим с его силами. То же касается и поборов с народа: если они не будут умеренными, то, какова бы ни была их общественная польза, не перестанут быть несправедливыми”⁴⁰.

Сельскохозяйственный труд при этом воспринимался недостойным (хотя и необходимым) занятием необразованных и невоспитанных людей. Ж. де Лабрюйер с отвращением пишет о “диких животных”: “грязные, землисто-бледные, спаленные солнцем, они склоняются к земле, копая и перекапывая ее с несокрушимым упорством; он наделены, однако, членораздельной речью и, выпрямляясь, являют нашим глазам человеческий облик; это и в самом деле люди. На ночь они прячутся в логова, где утоляют голод ржаным хлебом, водой и кореньями. Они избавляют других людей от необходимости пахать, сеять и снимать урожай и заслуживают этим право не остаться без хлеба, который посеяли”⁴¹.

Распространение теории физиократов, считавших почву (природу) единственным самостоятельным фактором производства (так как в отличие от торговли и обрабатывающей промышленности только земля дает излишек валового дохода над издержками

³⁶ *Peuple*. – *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Neuchâtel, s.d., v. 12, p. 475, 476.

³⁷ Где *populus* (лат.) и *peuple* (фр.) имеют положительное значение, а *plebs* (лат.) и *populace* (фр.) – отрицательное.

³⁸ *Робеспьер М.* Избранные произведения, т. 1. М., 1965, с. 127–128.

³⁹ Там же, с. 223, 232, 252, 283.

⁴⁰ *Ришелье А.-Ж. дю Плесси.* Политическое завещание, или Принципы управления государством. М., 2008, с. 152.

⁴¹ *Лабрюйер Ж. де.* Характеры, или Нравы нынешнего века. – Ларошфуко Ф. де, Паскаль Б., Лабрюйер Ж. де (французские моралисты). М., 1974, с. 399.

ми производства), резко меняет ситуацию в отношении сельскохозяйственного труда. “Энциклопедия” Дидро и д’Аламбера, указы Генеральным штатам, революционные катехизисы, литературные и философские произведения конца XVIII в. единогласно признают труд на земле *главным занятием в государстве*⁴². Уважительно обращаясь в своих произведениях к “жителям полей укрожных” и их “незаметным трудам”⁴³, авторы всё же не могут не заметить “бледную нужду”, нищенство, страдания и “горькие печали” народа⁴⁴. Следуя моде времени, провинциальные Академии и научные общества объявляют конкурсы на лучший теоретический труд по реорганизации сельскохозяйственного производства⁴⁵. Корреспонденты, откликнувшиеся на этот призыв, в целом признают губительность государственной политики для благосостояния деревни, однако немаловажным фактором считают и органически присущую народу лень (характеристика, заимствованная из традиции предыдущего столетия)⁴⁶.

Изменение представлений о социальной иерархии и роли в ней народа было связано с распространением понятий о “естественном праве”, “гражданском обществе”, теориями “общественного договора” и “правового государства”. В предисловии к трагедии “Карл IX, или Школа королей” (1788) М.-Ж. Шенье патетически пишет о народе, “в котором слились, наконец, его три сословия, забыв о своих различиях”, а годом позже повторяет эту мысль в “Оде к Национальному собранию”:

Из добродетели народа
Воспрянет мира мать — свобода,
Законом равенства объединив людей⁴⁷.

Главной добродетелью свободного народа по-прежнему оставалась его способность “хорошо повиноваться” (М. Монтень)⁴⁸. “Я воспою весь французский народ, некогда распростёртый под пятой двора и восставший во имя родины, — писал М.Ж. Шенье, — народ, славный своими нравами, могучий своими промыслами, народ, который почитает и превозносит добродетели своего короля, будучи свободным под его властью и покорным справедливым законам”⁴⁹.

Провозглашение юридического равенства всех граждан и его массовая пропаганда в революционных катехизисах⁵⁰ лишь отчасти повлияли на представления о социальном статусе простолудинов. Просветительское “царство Разума” являлось своеобразной проекцией платоновского и/или аристотелевского “идеального государства” на французское общество конца XVIII в. (например, литературная фантазия Л.-С. Мерсье⁵¹). Но в “идеальное государство” могут быть допущены далеко не все категории населения. Основу нации должны составлять люди, наделенные главными

⁴² См., например, дневники английского путешественника за 1787–1789 гг.: *Юнг А.* Путешествия по Франции. СПб., 1996.

⁴³ Отмена налогов и разрешение полевой охоты. Сочинение гражданки Ферран. — Песни первой французской революции. М.—Л., 1934, с. 170–171.

⁴⁴ *Шенье А.* Гимн справедливости (Франции). — Песни первой французской революции, с. 581–583.

⁴⁵ *Mémoire sur la question proposée par l’Académie Royale des sciences, arts et belles lettres de Châlons-sur-Marne: “Quels sont les moyens d’améliorer en France la condition des laboureurs, journaliers vivants dans les campagnes et celle de leurs femmes et leurs enfants”* [1783]. — РГАСПИ, ф. 320, оп. 2, д. 2651.

⁴⁶ *Cathéchisme à l’usage de tous les citoyens.* Paris, 1789, p. 4–5, 17–18.

⁴⁷ *Шенье М.-Ж.* Ода к Национальному собранию. — Песни первой французской революции, с. 633.

⁴⁸ *Монтень М.* Опыты, кн. I–II. М., 1980, с. 233.

⁴⁹ *Chénier M.-J.* Charles IX ou L’école des rois: tragédie. Paris, 1790, p. 32.

⁵⁰ *Michaut J.J.* Cathéchisme révolutionnaire, ou Histoire de la révolution française, par demande et par réponses. À l’usage de la jeunesse républicaine et de tous les peuples qui veulent être libre. Strasbourg, s.d., p. 20, 26, 36.

⁵¹ *Мерсье Л.-С.* Год две тысячи четыреста сороковой: Сон, которого, возможно, и не было. Л., 1977.

гражданскими добродетелями: жертвенностью, энергией, энтузиазмом, скромностью, трудолюбием. Все этажи социальной иерархии (от первого до третьего сословия включительно) были подвергнуты современниками жестокой критике за “испорченность нравов”. В итоге спор между философами и общественно-политическими деятелями сводился к вопросу о том, какой класс людей должен быть принят за основу в процессе предполагаемого морально-этического “очищения” или “исправления”. Выбор в пользу народа (понимаемого в духе “Энциклопедии” как “земледельцы и рабочие”) делали лишь очень немногие сторонники Руссо, хотя эта традиция заметна уже у Монтеня⁵². Умеренные просветители отдавали предпочтение образованному меньшинству, хотя и признавали его многочисленные пороки.

Сравнивая вельмож и простолюдинов, де Лабрюйер, в частности, пишет: “Человек из народа никому не делает зла, тогда как вельможа никому не желает добра и многим способен причинить большой вред; один живет, занимаясь лишь полезными делами, другой убивает время на дурные забавы; первый простодушен, груб и откровенен, второй под личиной учтивости таит развращенность и злобу. У народа мало ума, у вельмож – души; у первого – хорошие задатки и нет лоска, у вторых – все показное и нет ничего, кроме лоска”⁵³.

“Нельзя разложить нацию, – писал в продолжение этой идеи Робеспьер, – по той же причине, по которой нельзя отравить океан. Народ, этот необъятный трудящийся класс, которому спесь резервировала, имея в виду унижить его, это высокое имя, народ не затронут элементами разложения, губящими так называемые высшие сословия... Он ближе к природе и менее извращен, потому именно, что он не получил, при деспотических правлениях, того ложного воспитания, которое сводится к урокам фальши, низости и раболепства”⁵⁴.

Нередко указанный конфликт ценностей приобретал образ конфликта города и деревни, цивилизации и варварства. Однако при всей грубости, невежестве и безобразности внешнего облика сельский мир, “деревенщина” (*rusticité*) в моральном плане был предпочтительнее городской распущенности, цинизма и стяжательства, лишь прикрытых внешним лоском. Одной из задач своего романа “Совращенный поселянин, или Опасности городской жизни” (1775) Н. Ретиф де ла Бретонн называет предостережение родителям, которые недостаточно хорошо понимают риск, которому подвергаются их дети: “Не буду повторять здесь, – пишет он в предисловии, – выпадов против жизни в городах, осмелюсь только высказать мысль, что было бы полезно не то что запретить деревенским жителям пребывание в городах, но показать им все темные стороны городской жизни в сравнении с теми преимуществами, которыми они пользуются у себя в деревне, а главное убедить их в том, что удача в городе подобна крупному выигрышу в лотерее: в ней сто тысяч проигрывают, а выигрывает один”. Этот победитель, однако, не вызывает у автора ни малейшей симпатии, так как если “некоторые деревенские парни и преуспевают в городах, так это существа плутоватые, коварные, лицемерные и умственно ограниченные”⁵⁵.

В отношении народной культуры речь, как правило, шла о “невежестве” и “суевериях”, неизбежно смыкавшихся с духовной “слепотой”, “жестокостью” и “рабским состоянием”⁵⁶. «Вы понимаете под “дикарями”, – вопрошал Вольтер, – мужланов, жи-

⁵² Невозделанный разум “варварских” народов имеет то преимущество, что приближает их к “первозданной непосредственности” и “естественным законам”. Их простой образ жизни превосходит “не только все картины, которыми поэзия изукрасила золотой век, и все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества, но даже и самые представления и пожелания философии” (Монтень М. Указ. соч., с. 191).

⁵³ Лабрюйер Ж. де. Указ. соч., с. 340.

⁵⁴ Робеспьер М. Указ. соч., т. 1, с. 283–284.

⁵⁵ Ретиф де ла Бретонн Н. Совращенный поселянин. Жизнь отца моего. М., 1972, с. 7–8.

⁵⁶ Grandchamp J.-L. Qu'est-ce qu'un Club ou Société patriotique? Discours prononcé le jeudi au soir 24 mars 1791, l'an seconde de la liberté dans la séance publique du Comité central des 31 clubs de la ville Lyon. Lyon, 1791, p. 10.

вущих в жалких лачугах со своими бабами и домашними животными..., говорящих на неизвестном в городах жаргоне, имеющих мало идей и, как следствие, мало эмоций..., собирающихся в определенные дни в каком-то подобии риги, чтобы отпраздновать церемонии, в которых они ничего не понимают..? В таком случае следует заключить, что народы Канады и кафры, коих нам нравится называть дикими, несравненно более просвещенны, чем наши собственные»⁵⁷. Монтень, впрочем, находил в этом состоянии и свои положительные стороны: “Тупость и невежество простонародья помогают ему терпеливо переносить навалившиеся на него испытания и с глубочайшим безразличием относиться к тому, что может грозить в будущем; душа его, более грубая, неотесанная, менее уязвима и чувствительна. Ей богу же, если это так, будем учиться в школе глупости!”⁵⁸

Рационализм эпохи Просвещения, нормативность эстетики классицизма (деление жанров на высокие и низкие) не допускали и мысли о самоценности народного творчества. За редким исключением (Монтень о народной поэзии⁵⁹) простолюдины считались неспособными к созданию даже самых простых произведений культуры. Открытие “народного духа”, поклонение “самобытности”, собирание и “возрождение” фольклора, представление о духовных качествах народа как основе национальной культуры – всё это придет лишь в XIX в. вместе с идеологией романтизма.

Политический дискурс XVIII в. строился на сочетании принципа революционной активности с модерантизмом, восхищения силой народа с недоверием к нему.

Народ, доверчивый чрезмерно
И поступающий без дум,
Способен возмутить, наверно,
Своими действиями ум⁶⁰.

Самыми характерными признаками народа назывались его непостоянство, слепота, легкость перехода из одной крайности в другую (рабское подчинение – бунт). “Вы увидите, – писал Робеспьер, – как французский народ явится еще во всем своем величии, миролюбивый, но внушительный; великодушный, снисходительный, но готовый обрушить гром при первом сигнале закона, при первом крике подвергшейся нападению свободы”⁶¹.

Народ далеко не всегда понимает в чем именно состоит его подлинное благо, но это должен осознавать законодатель, задача которого – опекать простолюдинов, говорить от их имени, защищать их интересы и направлять их политическую энергию, всячески удерживая от насилия именем разума и законов. Так, Гай Гракх в одноименной трагедии М.-Ж. Шенье останавливает сочувствующую ему толпу в тот момент, когда она хочет броситься на сенаторов и патрициев. Наиболее ярко принцип “для народа, но без него” проступает в обращении А. Шенье к законодателям:

Держите в берегах грозящие моря.
Народу вашему, свободу подаря,
Вы буйное смиряйте детство
И к правде, к равенству, туда, где долг и строй,
Свободу юную ведите за собой.
Пусть никакой позор не омрачает мига.
Порвавши цепь обид былых,

⁵⁷ *Voltaire*. Essai sur les mœurs et l'esprit des nations. – Œuvres complètes de Voltaire, t. XVI. Paris, 1784, p. 29.

⁵⁸ *Монтень М.* Опыты, кн. III. М., 1979, с. 253.

⁵⁹ Там же, кн. 1–2, с. 278.

⁶⁰ Закон крови, или Военный закон, декретированный 21 октября 1789 года. Сочинение Т. Руссо. – Песни первой французской революции, с. 204.

⁶¹ *Робеспьер М.* Указ. соч., т. 1, с. 225.

Пусть молодой народ в волнении бурном сдвига
Ярмо постыдное, убийственное иго
С себя не сложит на других.
Ваш первый долг – не дать ему освидрало
В порыве темном зверских сил
Пятнать свое и ваше дело.
Не опускайте впредь вы мудрости удил,
Дабы законность мог он защищать со славой
И сталью гибельной, огнем не отомстил
Свое поруганное право⁶².

В целом же в широком контексте политической культуры XVIII в. народ представляет собой некий собирательный образ, уподобляющий его мифологическому герою древности, и одновременно реально действующее лицо исторического процесса. Народ обладает “волей”, “духом” и “характером”, ему присуще “величие”, и он следует своей “судьбе”; он имеет свои “интересы”, “нужды”, “взгляды” и “надежды”. Отстаивая свои “права”, он способен проявить “раздражение”, “гнев”, “негодование”; у него есть свои “отцы”, “защитники”, “представители” и “враги”. С началом революции этот персонаж начинает активные действия: он “проснулся”, чтобы “выйти из состояния угнетения и подняться до человеческого достоинства”, чтобы “свергнуть деспотизм”, “внушить ужас тиранам” и “разгромить предателей”. Неудивительно, что с течением времени его роль приняла почти мессианский характер.

Мы, торжествующий народ,
Французы, жребий наш решит судьбу вселенной:
Не солнце ль новое над всей землей встает,
Плодотворяющее бессменно?
Всё сущее с мольбой его взыскует благ, –
Светила, чьих лучей зиждительное пламя
Земным тиранам – злейший враг,
Народам – пища, свет и знамя⁶³.

В ноябре 1793 г. Конвент объявил конкурс на создание монумента Славы французского народа (официальное его название – “Французский народ, уничтожающий деспотизм”). По мнению Ж.-Л. Давида, этот памятник, “простой, как правда”, должен быть создан из обломков поверженных статуй на площади Нового моста, а фигура народа-гиганта должна иметь символическое значение. «На этом величественном в своей силе и простоте изваянии будут начертаны крупными буквами слова: на лбу “Просвещение”, на груди “Природа” и “Правда”, на руках “Сила”, на кистях рук “Труд”. На одной из рук статуи должны быть размещены фигуры Свободы и Равенства, идущие бок о бок и готовые обойти весь мир, чтобы показать всем, что они покоятся на гении и добродетели народа. Статуя народа держит в одной руке грозную палицу, прообразом которой была палица Геркулеса»⁶⁴. Главный приз конкурса получил скульптор Клод Мишаллон (1752–1799). Тогда же архитектор Жан-Жак Леке исполнил чертеж триумфальных ворот “Народ”, изобразив возлежащего на арке вооруженного

⁶² Шенье А. Игра в мяч (художнику Людовику Давиду). – Песни первой французской революции, с. 594.

⁶³ Шенье М.-Ж. Взятие Тулона (30 декабря 1793 г.). – Песни первой французской революции, с. 657.

⁶⁴ Discours prononcé par le citoyen David dans la séance du 17 brumaire, l’an II de la République. – Archives parlementaires. Série 1 (1787–1799). T. 78. Paris, 1911, p. 560. В 1794 г. Ж.-Л. Давид выполнил рисунок (“Триумф французского народа”), почти полностью повторяющий указанный замысел.

палицей атлета. “Французский народ, – писал Робеспьер, – должен нести на своих плечах тяжесть всего мира и в то же время обуздать все удручающие его чудовища. Он должен быть среди народов тем, чем был Геракл среди героев”⁶⁵.

Однако народ легко поддается влиянию; многочисленные враги пользуются его доверчивостью и невежеством, чтобы “ослабить его энергию”, “удерживать в состоянии пагубной летаргии”, “ввести в заблуждение”, “устрашить”, “заковать в цепи”, “ввергнуть в рабство”, а в итоге – “привести к краю пропасти” и “принести в жертву”. Когда народ внезапно переходит от рабства к свободе, для него, по мнению Робеспьера, – создается критическое положение: “Все подлые люди, которые при старом режиме выжидали случая, чтобы разбогатеть и возвыситься посредством всевозможных низостей и мошенничеств, усваивают тогда соответствующие обстоятельствам внешние приемы и овладевают доверием народа, чтобы предать его”⁶⁶. Слишком добрый и доверчивый народ оказывается в результате обманутым.

“Французский народ, – пишет Робеспьер далее, – преданный носителями его власти, превращенный собственным правительством в жертву издевательства и меча иностранных деспотов, униженный и угнетенный, ограбленный именем законов, волнуется и охвачен мучительной тревогой, не зная точно ни источника своих несчастий, ни способа положить им конец. Оставаясь игрушкой в руках интриганов, управляющих им с начала революции, жертвой собственного невежества или собственных предрассудков, он то встревожен, то успокаивается, в зависимости от того, что они ему скажут [...] Среди толпы государственных должностных лиц, которыми кишит Франция, много ли найдется таких, которые указывали бы народу правильную дорогу, которые не ставили бы своих самых низких интересов выше счастья страны, которые не были бы способны пожертвовать правами народа ради своей глупой спеси? Те, кто называют себя его советниками, по большей части, лишь обманутые невежды, или плуты, старающиеся продлить его заблуждения и его спячку”⁶⁷.

Влияние агитации врагов революции облегчалось и невежеством простолюдинов. “Лишенные просвещения, которое только и может облагородить человека, – говорит герой одной из революционных пьес 1793 г., – эти дикари легко поддаются вероломным уговорам чудовищ, которые всюду вредят обществу своим религиозным дурманом. Они сделали людей своими рабами, они создали и поддерживали деспотизм. В наши дни они ведут бешеную агитацию, чтобы вновь сковать цепи, разорванные разумом и свободой”⁶⁸. Бок о бок с невежеством выступали и предрассудки, от которых, по мнению Робеспьера, народу сложно освободиться, учитывая внезапность перехода от рабства к свободе⁶⁹.

Чтобы рассеять “заблуждения”, революционное правительство предпринимало серьезные меры по реализации грандиозной программы “гражданской педагогики” (образование, пропаганда, революционные праздники)⁷⁰. Однако процесс рождения

⁶⁵ Робеспьер М. Указ. соч., т. 1, с. 344.

⁶⁶ Там же, с. 336.

⁶⁷ Там же, с. 334. Указанные размышления почти дословно воспроизводятся в одном из частных писем (от 3 июня 1793 г.) депутата Национального конвента, представителя в миссии Клода-Александра Изабо (1754–1831), адресованном военному комиссару Пиренейской армии Марку-Антуану Жюльену (1775–1848). См. РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 135.

⁶⁸ Boullault M.-J. Les brigands de la Vendée, opéra-vaudeville en deux actes, mêlé de combats et incendie. Paris, 1793, p. 27.

⁶⁹ Робеспьер М. Указ. соч., т. 1, с. 134.

⁷⁰ Baczkó B. Une éducation pour la démocratie: textes et projets de l'époque révolutionnaire. Paris, 1982; Озуф М. Революционный праздник 1789–1799. М., 2003. См.: Олар А. Культ Разума и культ Верховного существа во время Французской революции. М., 1925; Державин К.Н. Театр Французской революции. 1789–1799. Л., 1932; Rivoire J.-A. Le patriotisme dans le théâtre sérieux de la Révolution. Paris, 1950; Leith J. The Idea of Art as Propaganda in France (1750–1799). A Study in the History of Ideas. Toronto, 1965; Турчин В.С. Французское искусство от Людовика XVI до Наполеона. М., 2007;.

“нового человека” через “перерождение” и “очищение” оказался долгим и трудным. Политические события доказывали, что “испорченность” отдельных категорий людей (роялисты, эмигранты, вандейские крестьяне) имела непоправимый характер. Они не могли быть ни возможным союзником, ни “заблуждающимся другом”, ни “обманутым братом”, которого надо только убедить в неправоте. Это были люди с законченным мировоззрением и сложившейся системой поведения; их нельзя переспорить, переделывать, исправить, их можно лишь физически устранить. Идеологическое обоснование репрессий происходило посредством разделения понятий “гражданин” (чистая добродетель), “человек” (возможность ошибки) и “враг” (непримиримый конфликт ценностей), где враг утрачивал человеческую сущность и обращался в категорию “диких животных”. Уничтожение же “свинского сброда” виделось не просто возможной, но даже необходимой мерой.

Очень красноречива в этом отношении позиция анонимного автора, назвавшего себя “другом гуманности” в отношении восставших крестьян департамента Вандея:

“Дети в возрасте от младенчества до 10 лет должны быть взяты под охрану закона. Было бы несправедливо делать их жертвами злодейства и испорченности их отцов и матерей. Было бы даже интересно защитить их от гнева, который мы испытываем к тем, кто произвел их на свет, воспитывая их в принципах республиканизма. В силу восприимчивости их возраста можно надеяться обернуть их со временем на службу отечеству.

Вместо домов общественного воспитания, которые еще не построены, необходимо в целях предоставления им крова и содержания, побуждать добрых граждан брать каждому по одному воспитаннику. Каждый республиканец, искренне любящий свою родину, будет стремиться обеспечить их заботой и лаской.

Не нужно щадить никого в восставших областях, кто старше 10 лет.

Эта мера далека от гуманности. Чувствительный человек страдает от такой суровости, но это необходимо. Роялизм и фанатизм так сильно укоренились в них, что невозможно поверить в то, что они смогут когда-либо отказаться от своих дурных принципов”⁷¹.

Неопределенность термина “народ” (понимаемого одновременно и как синоним “нации”, и как “земледельцы и рабочие”), его полисемантичность, прежде всего оценочного свойства (между обожествлением и отвращением) давали возможность использования его в самых разных целях. Не имея четкого определения, этот концепт получал, как правило, образное, метафорическое выражение. В зависимости от более широкого представления о государстве в образе улья, тела, здания или корабля, народ получал, соответственно, роль рабочих пчел, рук, фундамента или гребцов. Однако самым распространенным образом был образ семьи, где простолюдины занимали место неразумных детей, и отношение к ним отличалось множеством вариантов. Это и младенец, устами которого говорит истина, и ребенок, не умеющий воспользоваться собственным рассудком без помощи со стороны кого-то другого и потому нуждающийся в постоянной опеке; это и провинившееся чадо, ожидающее сурового отеческого наказания, и блудный сын, рассчитывающий на прощение.

Эпоха Просвещения и события Французской революции (1789–1799) не смогли внести научной точности в определение термина “народ”, одного из главных понятий политической культуры Франции, но одновременно именно эта эпоха положила начало формированию государства нового типа не только в сфере идеологии, но и в сфере основных управленческих стратегий, закрепив за ними определенный “способ властвования” и имидж власти (консерваторы, либералы, радикалы).

В заключение мне хотелось бы предложить вниманию читателей текст письма одного из видных деятелей Французской революции, в котором термин “народ” употребляется в наиболее характерном для этой эпохи значении – как некий собирательный

⁷¹ *Reflexions d'un Ami de l'humanité* [1794]. – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 303.

образ, одновременно объединяющий в себе черты и мифологического героя древности, и реально действующего лица исторического процесса.

Марк-Антуан Жюльен (Marc-Antoine Jullien)⁷² (10.III.1775 – 4.XI.1848) – известный общественный деятель Франции, публицист, литератор. Его политическая деятельность тесно связана с историей Французской революции (1789–1799), где он занимал одно из важнейших мест, пройдя через все этапы этой бурной эпохи. Убежденный якобинец, Жюльен в 19 лет был назначен комиссаром Комитета общественного спасения (КОС), посвятив себя делу распространения новых идеалов в различных областях страны, куда он неоднократно направлялся с миссиями. Получив известность как сторонник революционно-демократических принципов 1793 года, Жюльен после падения якобинской диктатуры был арестован по обвинению в “терроризме”. Несмотря на очевидную несправедливость этого обвинения, он провел в различных тюрьмах Парижа около 15 месяцев и был выпущен на свободу за недостатком доказательств. Поддерживая главные идеалы революции, Жюльен одновременно не являлся сторонником ни Робеспьера, ни Г. Бабёфа с его теорией уравнилельного коммунизма.

Публикуемое ниже письмо в Народное общество Ла-Рошели было написано после завершения Жюльеном его миссии как комиссара КОС в западных и юго-западных департаментах и содержит критику в адрес политики Робеспьера и его сторонников. Текст письма на русском языке публикуется впервые. Все выделения курсивом соответствуют тексту оригинала.

М[арк]-А[нтуан] Жюльен,
член Исполнительной комиссии народного образования.
Письмо братьям и друзьям Народного общества Ла-Рошели

Рошфор

*15 термидора II года
Республики единой и неделимой
[2 августа 1794 г.]*

Я обещал, братья и друзья, поддерживать с вами интенсивную переписку, и я уже начал исполнять свое обещание. Вынужденный остановиться на некоторое время в Рошфоре, я пользуюсь этим моментом для того, чтобы написать вам. Взаимообмен чувствами и идеями между патриотами помогает им идти всегда твердым шагом дорогой принципов и общественного блага.

Разразился глубокий политический кризис. Враги народа готовы к волнениям и, возможно, хотят привлечь его на свою сторону; друзья народа должны объединиться, а любовь к родине, дающая им верное направление, защищает их от поспешных мер и пагубных ошибок.

Слышен голос Свободы: избегайте почитания отдельных людей.

Слышен голос Равенства: не допускайте возвышения индивида над остальными людьми, не допускайте, чтобы его власть подавляла их.

Тем не менее существует человек, которого можно назвать идиолом Франции. Возможно ли, однако, существование идола в Республике, не является ли позорное идолопоклонство предвестником рабства?

Тем не менее существует человек, чья власть подавляет сам Национальный конвент. Никто не осмеливается больше ни говорить, ни писать. Нужно молчать, ибо благородная и бесплодная смелость ведет на эшафот.

Свобода и Равенство, таким образом, больше не существуют. Они должны возродиться; и, поскольку бессмертие составляет их сущность, они живут вопреки тем, кто хотел бы их уничтожить, не имея другого оружия, кроме меча закона и клинка Брута.

⁷² М.-А. Жюльена обычно называют Жюльеном-младшим или Жюльеном из Парижа, в отличие от его отца Марка-Антуана Жюльена-старшего или Жюльена из Дромы (1744–1821), депутата Конвента, профессора, литератора.

Такова природа нашей благодетельной революции, отгораживающейся от всего порочного и позволяющей обновленной Франции отказываться от того, что недостойно ее. Беда тому, кто надеется добиться господства! Ведь мы присягнули независимости. Беда тем, кто облачается в одежды интриги! Ведь мы предпочитаем наготу правды. Беда тем, кто слишком возвышается! Ведь мы каждый раз заботимся об одинаковых для всех возможностях. Жажда славы среди живых людей является кратковременной, ибо ветер национальной справедливости способен рассеять и уничтожить ее без труда. Только тот, кто очистился от этого огня, может не опасаться общественного мнения; он почиет в мире, его потомки оценят его по достоинству.

Долой славу господства, долой идолопоклонничество и любовь к отдельным привилегированным существам. Единство и равенство ценят добрых, воюют со злонамеренными, следят за каждым. Провозгласим же объединение вокруг Свободы, которой единственно позволено иметь статую на алтаре Отечества, объединение вокруг принципов, вокруг Национального конвента; сформулируем же твердое намерение довести до победы революцию и упрочить наши первые завоевания.

Пусть Франция вооружится этими принципами; она должна научиться избегать почитания отдельных людей. Она должна понять, что признательность массы Народу в отношении отдельного индивида является пороком, а гордая неблагодарность Народу в отношении тех, кто ему служит, является республиканской добродетелью. Ибо тот, кто служит Народу, исполняет свой долг; делая добро, он получает уважение, и это его единственная награда. Признательность же Народу в отношении простого гражданина создает между ним и Народом разграничительную линию, уничтожающую равенство. Человек, который чувствует признание за ним исключительной полезности, начинает считать себя необходимым, и с этого момента становится опасным. Индивиды не значат ничего, принципы значат всё. В политических взаимоотношениях признательность является первым шагом на пути к идолопоклонничеству, а идолопоклонничество является первой основой трона.

Пышный титул *Защитника Народу* часто является синонимом тирана. Тот амбициозный человек, который хочет господствовать, называет себя *Протектором*, чтобы лучше ввести в заблуждение тех, кого он намеревается поработить. Кем же является этот защитник народа, если не частью этого самого народа, и его надменный титул, вызывающий у сограждан чувство признательности, не возвышает ли он его над остальными? Равенства больше не существует; республиканец содрогается от благородного возмущения, республиканец, чей ревностный взгляд привык видеть лишь равных людей, республиканец, единственным господином которого является Закон. Только Народ является защитником самому себе; каждый, кто составляет часть Народу, выполняет свою задачу и защищает себя сам посредством участия в общественной обороне. В остальном же отдельный человек ничего не значит для спасения страны. Что станет с Отечеством, если оно будет дорожить несколькими знаменитостями и несколькими людьми? Отечество — это масса в 25 миллионов свободных людей; поскольку же в это число входят и добродетельные, и злонамеренные, национальный меч отсекает гангренозный член, сохраняя жизнь общему целому.

Возможно, иногда вы кричали: *да здравствует человек*; вспомните, что единственно правильный клич — *да здравствует Республика и Свобода*. Возможно, иногда вы аплодировали просто факту присутствия человека; вспомните, что единственно заслуженные аплодисменты должны относиться к выражению правильного принципа или к рассказу об акте добродетели. Возможно, вы наделили человека именами *Спасителя Коммуны*, *Отца Народу*. Само слово "*Отец*" ранит равенство, кроме того единственного случая, когда оно дано самой Природой. Оно представляет массу Народу как семью, главой которой является отдельный человек; оно возрождает отвратительного монстра королевской власти. Отечество — мать каждому человеку, каждому гражданину, и каждый видит в своих согражданах лишь брата и ровню.

Вспомните также, что титул *неподкупного* прилагается к человеку, карьера которого завершена и на репутацию которого смерть наложила особую печать, человеку, которому не нужно больше опасаться за свою славу и свою жизнь⁷³. Человек, который поступает всегда хорошо, — *неподкупен*. Но он живет еще; каким бы он ни был республиканцем, не нужно называть его *неподкупным*, как и бывшего епископа Римского *непогрешимым*. Когда вы придете на его могилу для прощальных слов, тогда вы можете, если он был постоянным другом принципов и добродетели, выгравировать слова: *Он был достоин имени неподкупного*.

Много ли до сегодняшнего было людей, которых вы могли бы назвать *неподкупными*? Изгоняйте рабскую привычку и позорную потребность в идолопоклонничестве. Интриганы, алчные и честолюбивые люди всегда готовы подчинить себе народные выборы; но Народ формирует себя, он продвигается в революционном образовании, и обычный оратор, лишь повторяющий напыщенные фразы, лишенные смысла и изобилующие словами, которыми он пытается прикрыть свое наглое ничтожество или коварную злонамеренность, не получит больше эфемерной репутации. Только друг принципов, их сторонник и их верный хранитель пойдет со славою к могиле и покинет смертную жизнь, чтобы войти под бессмертные своды Пантеона.

Кто эти люди, могущие одним движением головы повелевать морем и направлять корабль государства? Где их власть, их дух господства и их повелительный язык? Они ушли. Их безжизненные тела смешались с трупами других злодеев, более или менее знаменитых; но живое тело Республики поднялось, а все насекомые, разъедавшие его, отмерли. Известное имя приносит много страданий. Добродетели подобает скромная безвестность; интрига завязывается и блистает, за ней следует удар грома и разбивает ее.

Прощайте, братья и друзья; я позволил моему перу свободно бежать по этим строкам; я излил душу, и правда, которую я считаю полезной, позволит мне полностью исполнить мои обязательства и мой долг в отношении вас.

Некоторые люди говорят о своем отчаянии, о потере центра объединения; они беспокоятся и волнуются; но вы, вы же знаете, что отчаяние не присуще французам, что принципы живы, тогда как бесстыдно проповедовавшие, но предавшие их люди умерли. Вы знаете, что смелость и энергия более всего были характерны эпохе борьбы с фракциями и победы над ними.

Пусть победа увенчает лаврами наших солдат и пусть эшафот получит головы подлых внутренних заговорщиков. Фронт является театром наших триумфов, во внутренней жизни мы являемся свидетелями смерти предателей. Ни иностранные Короли, ни Диктаторы, Тираны или Триумвиры⁷⁴, желающие появиться среди нас, не будут иметь успеха.

Некоторые люди боятся, так как злодеи, которых поражает меч, обманули их; но им нечего бояться, если их совесть чиста, им надо только более обычного придерживаться принципов и ни в коем случае не поддаваться чувству почитания отдельного человека.

Все вы, жители Ла-Рошели, будьте более чем всегда едины и бдительны. Работайте над тем, чтобы распознать и наказать интриганов и мошенников, кем бы они ни были, какой бы пост они ни занимали и какой бы маской они ни прикрывались. Ищите их, наказывайте; пусть другие коммуны Республики последуют вашему примеру, пусть Французская революция придет к победному завершению, а радость и счастье поселятся в семьях республиканцев, в которых усилиями нечистых рук были посеяны раздор, отчаяние и скорбь.

⁷³ Речь идет о Робеспьере, который носил прозвище Неподкупного.

⁷⁴ Под триумвирами в данном случае подразумеваются Марк Антоний, Цезарь Октавиан и Марк Лепид, которые захватили власть в Риме в 43 г. до н.э. и обрушили террор на неугодных им лиц (так называемые проскрипции второго триумvirата). По аналогии триумвирами называли вождей якобинского режима Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона.

Я прощаюсь с вами, и на прощание снова повторю: единение вокруг Национального конвента и вечных принципов, служащих компасом Французскому Народу. Любовь к независимости и добродетели, ненависть к любому пороку и всякой тирании. Единство и бдительность среди Патриотов. Война до победного конца с интриганами, господами и предателями.

Ваш брат и друг,
Марк-Ант[уан] Жюльен.

Народное, республиканское и революционное общество Ла-Рошели приняло решение о публикации этого письма и рассылке его другим филиалам Общества на заседании 16 термидора второго года Французской Республики единой и неделимой (3.VIII.1794).

Рулле, *Председатель*.
Кенман, Дерэн, *Секретари*.

РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 478, л. 1–5.
Подлинник. Типографский текст